

0- 779565

На правах рукописи

Синякова Людмила Николаевна

**Проза А. Ф. Писемского
в контексте развития русской литературы 1840–1870-х гг.:
проблемы художественной антропологии**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Томск – 2009

Работа выполнена на кафедре литературы XIX-XX вв.
ГОУ ВПО «Новосибирский государственный университет»

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Эмма Михайловна Жиякова

доктор филологических наук, профессор
Юрий Васильевич Шатин

доктор филологических наук, доцент
Кирилл Владиславович Анисимов

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет»

Защита состоится «25» ноября 2009 г. в ____ часов
на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 при ГОУ ВПО
«Томский государственный университет» (634050, г. Томск, пр. Ленина, 36).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО
«Томский государственный университет».

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000644196

Автореферат разослан « ____ » _____ 2009 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

канд. филол. наук, профессор

Л. А. Захарова

Л. А. Захарова

Общая характеристика работы

Целью настоящей работы является исследование проблем художественной антропологии прозы А. Ф. Писемского в контексте развития русской литературы 1840–1870-х гг.

Художественная антропология в литературоведении определяется как изучение художественного мира писателя, ориентированное на теоретическое познание и филологическую интерпретацию образа человека в художественном творчестве, а также познание форм присутствия автора-творца в художественном тексте. Мы исходим преимущественно из области значений термина, касающейся системно-структурных форм присутствия человека в художественной реальности.

Образ человека в реалистических литературных системах в результате теоретической рефлексии гипостазирован как двуединство его психоидеологической сущности (характера) и духовного существа (личности). В первом случае человек актуализирован как функция так называемого «жизненного мира» и явлен в качестве биосоциальной целостности, реферируя с бытовым, социальным и историческим контекстом; во втором он представлен как психически-ментальная структура, потенцированная философским (онтологическим, метафизическим, экзистенциальным) смыслом и контекстом. Традиционное внимание к человеку в русской словесности получало в разные периоды различное эстетико-философское воплощение. Период 1840–1870-х гг. хронологически и сущностно выделен внутри системы русского классического реализма как период формирования и становления его зрелых художественно-эстетических форм. Историческое самосознание личности, социокультурный микро- и макромир, воздействующий на человека социального, и одновременно автономия человека «родового»; этическая телеология, в высших ее проявлениях становящаяся теодицеей, – таковы важнейшие составляющие концепта человека в русском классическом реализме.

Постановка вопроса о художественной антропологии прозы А. Ф. Писемского в контексте литературного развития 1840–1870-х гг. предполагает сопоставление выработавшейся в его творческом сознании концепции человека с аналогичными концепциями ведущих русских писателей этого периода и подразумевает обращение к наиболее репрезентативным в аспекте «человековедения» художественным системам Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева и И. А. Гончарова, творческая деятельность которых в основном укладывается в хронологические рамки трех десятилетий. Крупнейшие русские писатели, равно как и Писемский, исходили из признания ценности отдельной личности и художнически исследовали ее в отношениях с миром и Богом.

Применительно к художественным системам Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева и И. А. Гончарова фундаментальная формула классически-реалистической антропологии – личность есть первичная творческая реальность и высшая универсальная ценность – неоспорима. Однако возможность специального изучения художественной антропологии Писемского до настоящего времени не обсуждалась. Вместе с тем его творчество, аккумулировавшее в себе практически все структурно-системные качества русского реализма 1840–1870-х гг. в их «усредненном» проявлении, отличается присущим всем крупным художникам индивидуально-поэтическим своеобразием и постановка проблемы человека в данном случае представляется нам оправданной. Ответив на вопрос о том, что такое человек в художественном мировоззрении писателя, каковы его эстетические параметры и функции, как определяется его семиозис, – мы сможем понять своеобразие художественности Писемского, до настоящего времени не объясненной как системное единство, что, на наш взгляд, вызвано смещением на субдоминантные позиции в исследовательских подходах к его творчеству координаты человека или по меньшей мере литературного героя/характера. В свою очередь, изучение категории человека в творческом сознании писателя поможет более точно описать общие проблемы «человековедения» в русской литературе 1840–1870-х гг.

Предметом исследования является русская литература 1840–1870-х гг.; **объектом** – художественная антропология; **материалом** – художественная проза А. Ф. Писемского, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева и И. А. Гончарова 1840–1870-х гг.; кроме того, мы привлекали к анализу эпистолярные, литературно-критические и художественно-публицистические тексты писателей.

Актуальность обращения к проблеме художественной антропологии русского классического реализма определяется фундаментальностью категории человека в русской литературе в целом и необходимостью выявления историко-литературной логики эволюции ее ценностно-эстетического и концептуального содержания в частности.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд **задач**:

1. установить функциональное и системно-типологическое своеобразие творчества Писемского, а также обозначить связь его художественной антропологии с философской антропологией эпохи 1840–1870-х гг.;
2. выявить специфику эстетических воззрений Писемского на материале его литературно-критической статьи о втором томе поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» и эпистолярного наследия;
3. исследовать типологическое сходство концепции человека в прозе Писемского 1850-х гг. с концепциями человека Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева и И. А. Гончарова 1840–1850-х гг.;

4. обозначить художественно-антропологические аналогии в романистике Писемского 1860-х гг. и романах И. С. Тургенева «Отцы и дети», «Дым», «Новь»; И. А. Гончарова «Обрыв»; Ф. М. Достоевского «Бесы»;
5. проанализировать характер социокультурного и этико-философского самоопределения личности в эпоху 1870-х гг. в романах А. Ф. Писемского «В водовороте» и «Мещане» в контексте художественной антропологии И. С. Тургенева («Новь») и Ф. М. Достоевского («Подросток», «Дневник писателя»);
6. рассмотреть художественную модель человека в романах А. Ф. Писемского «Масоны» и Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» в качестве завершения художественно-антропологических исканий писателей.

Характер решаемых задач определяет *научную новизну* работы, которая вводит в научный оборот как системно-целостное единство малоизученное до настоящего времени творчество Писемского, имплицитно заключающее в себе основные тенденции развития русского реализма середины века, и позволяет выявить динамику художественно-антропологического содержания русской литературы эпохи 1840–1870-х гг.

Впервые в отечественном литературоведении ставится проблема человека в творчестве Писемского и осуществляется попытка ее разрешения на материале средних и крупных повествовательных жанров периода конца 1840–1870-х гг., хронологически охватывающего весь его творческий путь. Прослежено движение образа человека в художественной системе Писемского: от формулы «человек – быт – социальная микросреда» в 1850-е гг.; «человек – общество – эпоха» в 1860-е – к формуле «человек – история – бытие» в 1870-е. В результате творчество Писемского прочитывается как единство – в движении от человека социального, явленного в контексте бытовой культуры русской провинции, – к человеку бытийному, индивидуализированному в его сущностных качествах.

Рассмотрение художественной антропологии Писемского в контексте литературного развития 1840–1870-х гг. позволяет обозначить структурно-концептуальную (в целом персоналистскую) общность постановки и решения проблемы человека крупнейшими русскими писателями этого периода и обнаружить закономерности эволюции концепта человека в классически-реалистической художественной парадигме.

Методология исследования. Общегуманитарным методом исследования в работе является метод философской герменевтики и отпочковавшийся от него метод литературной герменевтики; системно-целостный анализ, конституирующий единство художественного явления в его структурной

упорядоченности и эстетической самоорганизации; сравнительно-типологический, историко-функциональный, культурно-исторический и культурологический подходы к изучению литературного явления.

Теоретической основой диссертации послужили труды по философской антропологии (М. Шелер, К. Вальверде, Э. Мунье, П. Рикёр, Н. О. Лосский, В. В. Зеньковский, С. Л. Франк, Г. Г. Шпет), художественной антропологии (Т. А. Касаткина, А. Б. Криницын, Н. Н. Старыгина, А. М. Буланов и др.); по истории русской литературы и динамике литературного процесса второй трети XIX в. (В. М. Маркович, Ю. В. Манн, С. Г. Бочаров, Б. Ф. Егоров, И. П. Смирнов, В. А. Недзвецкий, Ю. М. Прокураина, И. А. Дергачёв); теоретико-литературные исследования Л. Я. Гинзбург, Ю. М. Лотмана, В. Е. Хализева, Ю. В. Шатина, А. П. Чудакова, Ю. Б. Борева. Мы привлекали в процессе работы выводы исследователей, занимающихся проблемами творчества А. Ф. Писемского (Л. М. Лотман, И. П. Видуэцкая и др.), И. С. Тургенева (А. И. Батюто, В. М. Головкин, Н. Ф. Буданова), И. А. Гончарова (В. А. Недзвецкий, Е. А. Краснощекова, В. И. Мельник, М. В. Отрадин). В диссертации отражены результаты исследований философского мировоззрения Ф. М. Достоевского (Н. О. Лосский, Н. А. Бердяев, Вяч. Иванов, В. В. Зеньковский, Р. Лаут и др.) и его поэтики (В. Е. Ветловская, Г. К. Щенников, Э. М. Жилкова, Е. Г. Новикова, Т. А. Касаткина, М. Джоунс).

Теоретическая и историко-литературная значимость работы заключается в исследовании модели литературного творчества, в центре которого находится многомерная личность, но периферия являет собой феноменологию быта русского человека эпохи 1840–1870-х гг. Функциональное своеобразие этой модели видится в том, что классически-реалистическая концепция человека реализуется в беллетризованной художественной реальности. Писемский помещает в культурно-бытовые и историко-бытовые контексты человека, психологическая и мировоззренческая индивидуальность которого «перенастраивает» смысл художественного целого.

Предложенная модель расширения контекстов человека (быт – история – бытие) в русской литературе 1840–1870-х гг. может служить для описания тенденций эволюции концепции и образа человека в повествовательных жанрах русского классического реализма.

Практическая ценность диссертации состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в вузовских курсах лекций по истории русской литературы XIX в и теории литературы (проблемы художественной антропологии, рецепции, культурно-исторического изучения литературных систем, национально-исторического развития литературы), а также при разработке специальных курсов, посвященных проблемам художественной системности русского классического реализма

1840–1870-х гг.; историко-функциональному изучению литературы (проблемы взаимодействия и взаимовлияния классики и беллетристики); проблемам поэтики крупнейших русских писателей 1840–1870-х гг. (Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, А. Ф. Писемский).

Положения, которые выносятся на защиту:

1. Концепция человека на протяжении всего творчества Писемского трансформируется: от представлений о человеке как комплексе социально-бытовых и психофизиологических свойств в 1850-е гг. – через социально-историческое самоопределение личности в эпоху 1860-х гг. – к онтологической субстанциональности в 1870-е гг.
2. Писемский, Тургенев, Гончаров и Достоевский в 1840–1850-е гг. исследовали философско-этический инвариант романтического и постромантического сознания; Писемский – его культурно-бытовой вариант.
3. Культурно-исторический онтогенез художественной антропологии Писемского 1860-х гг. отличает его концепты «человека сороковых годов» и нигилиста от идеологического – Тургенева, психологического – Гончарова и историософского – Достоевского.
4. Писемский разрабатывает связанную с идеологемой «здорового смысла» концепцию положительного деятеля эпохи 1860-х гг., аналогичную концепциям Тургенева и Гончарова, что объясняется общностью историко-социального мировоззрения писателей.
5. В 1870-е гг. Писемский, Тургенев и Достоевский конституируют экзистенциально-философский образ человека, обладающий выраженной бинарной духовно-телесной структурой, тяготеющий в картине мира Писемского и Достоевского к религиозно-христианской гармонии. Нарастание деструктивных составляющих в существе человека у Писемского препятствует ее достижению.
6. Концепт «обыкновенного человека» в креативной модели Писемского генерализирует его художественно-антропологические воззрения.
7. Формула художественности Писемского – классически-реалистическая концепция личности в беллетризованном контексте.
8. Усложнение и развитие художественной антропологии А. Ф. Писемского совпадает с логикой литературного процесса в России 1840–1870-х гг. и подтверждает основную закономерность эволюции русского классического реализма: формирование художественного мировоззрения, в центре которого находится уникальная человеческая личность.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования докладывались на научных конференциях: «Традиции в литературной жизни. Сюжеты. Мотивы. Жанры» (Институт филологии СО РАН, Новосибирск, 1996); научной конференции, посвященной 35-летию гума-

нитарного ф-та НГУ (Новосибирск, 1997); Международной научной конференции «Книга и литература в культурном контексте» (НГУ, Новосибирск, 2001); X Международной научной конференции «Проблемы литературных жанров» (ТГУ, Томск, 2001); Международной научной конференции «Сюжет и мотив в историческом измерении литературы» (Институт филологии СО РАН, Новосибирск, 2001); Международной научной конференции «Древнерусское наследие Сибири: научное изучение памятников традиционной книжности на востоке России» (НГУ, Новосибирск, 2005); VI международной междисциплинарной конференции «Культура и текст» (БГПУ, г. Барнаул, 2008).

Материал диссертации привлекается автором при чтении курса по истории русской литературы XIX в. и спецкурса «Писемский в литературном процессе 1840–1870-х гг.» в Новосибирском государственном университете.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, 5 глав основного текста и заключения. Завершает работу список источников и литературы (435 наименований).

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы, формулируются цель, задачи, методология исследования, научная новизна, теоретическая и практическая ценность работы, выносимые на защиту положения; описывается структура диссертации.

Первая глава «Проблема человека в художественном мировоззрении А. Ф. Писемского: теоретический и историографический аспекты» посвящена теоретическим аспектам художественной антропологии Писемского и истории литературно-критического и научного восприятия его творчества.

В первом параграфе «*Теоретические аспекты художественной антропологии А. Ф. Писемского: функциональный, сравнительно-типологический, характерологический и философско-антропологический*» приводятся основные определения беллетристики как подсистемы литературы (В. М. Маркович, И. Гурвич, Н. Л. Вершинина, А. В. Чернов, С. М. Телегин, С. Дмитриенко и др.) и отмечается, что человек в художественном мире Писемского преодолевает социально-ролевую заданность беллетристических персонажей. Последние определяются конкретно-историческими и условно-психологическими параметрами, слабо индивидуализированы, отмечены «ролевой» поведенческой установкой. Модель творчества, в которой осуществляется воссоздание эволюционирующей личности в статичной или экстенсивно-континуальной среде и не только сложные взаимопереходы этих планов в едином эстетическом пространстве, но и их параллельное и относительно автономное развертывание в повествовании, определяется нами как классически-реалистическая с беллетристической тенденцией.

Философская антропология середины века в русском культурном сознании была представлена несколькими направлениями: угасающим гегельянством, философскими системами Шопенгауэра, Кьеркегора и Фейербаха и позитивизмом. Учение Шопенгауэра, оказавшее определенное влияние на «философский пессимизм» Тургенева, типологически родственно мирозерцанию Писемского, хотя свидетельствами его непосредственного обращения к сочинениям немецкого мыслителя мы не располагаем. Шопенгауэровская «онтология страдания» в мировоззрении Писемского корректируется этологией сострадания. Писемский, всякое проявление жизни считавший закономерным – даже в смешных или уродливых формах, – исповедовал *«панвитализм»* (Н. О. Лосский). Критерий самоопределения личности в художественной аксиологии Писемского задает параметры биосоциального мира, а не наоборот. В этом художественно-антропологическая модель Писемского персоналистична и совпадает с христианско-антропологической матрицей русской классической литературы.

Во втором параграфе *«А. Ф. Писемский в литературно-критической и филологической рефлексии 1850–1890-х гг.»* анализируются основные тенденции литературно-критической рецепции творчества писателя в этот период. Объективная повествовательность Писемского вызвала противоположные критические интерпретации его эстетических интенций (Дружинин и Чернышевский). Писарев объединил художественность Писемского, Тургенева и Гончарова в социально-критическую парадигму русской литературы середины века исходя из двух параметров – негации романтического поведения и этико-социального критицизма (*«чисто отрицательное отношение к... действительности»*). Ап. Григорьев определил художественную манеру Писемского как *«реализм содержания»* (художественного мировоззрения) в отличие от *«реализма формы»* (художественной изобразительности) Тургенева. Депозитизация жизни человека и примат *«физиологических черт»* становятся приметой новейшей реалистической эстетики, убежден критик. Сходные мнения выражали Н. Н. Страхов («Л. Н. Толстой») и М. Е. Салтыков-Щедрин, упрекавший Писемского-драматурга в *«механистическом списывании с натуры»*. Литературная критика 1850–1860-х гг. выделила несколько проблемных блоков в теоретическом осмыслении Писемского: «объективный реализм» (в аспекте авторской позиции это «вненаходимость» воссоздаваемой художественной реальности, в аспекте стиля – нейтральная повествовательность); «натуралистический» человек; точность бытописания; отсутствие нравственного идеала; неопределенность – или даже узорь – мировоззрения (К. Аксаков, Щедрин, Шелгунов).

Филологическая мысль двух последних десятилетий XIX в. в основном следовала выработанной прижизненной критикой схеме «консервативный

идеолог – художник-натуралист» (культурно-историческая трактовка схемы – С. А. Венгеров, А. М. Скабичевский, В. Зелинский, О. Миллер; социально-историческая – В. Чешихин-Ветринский; психологическая – А. И. Кирпичников, И. И. Иванов).

Источниковедческий и библиографический комментарий наследия писателя во вступительной статье М. К. Клемана к изданию его писем (1936); статьи М. П. Еремина (1958, 1959), монографическая главка И. А. Мартынова в академической 10-томной «Истории русской литературы» (1956) стали первой попыткой объяснения феномена художественности Писемского не идеологическим, а филологическим метаязыком (§ 3 *«Основные этапы в изучении творчества Писемского в отечественном литературоведении 1930–2000-х гг.»*). Главенствовавшая в литературной науке целое столетие методологическая диада «мировоззрение – метод» была вытеснена методологический триадой «жанр – конфликт – персонаж» в 1960-е гг., когда появилась статья Л. М. Лотман, в которой отмечалась специфика концепции человека Писемского, были защищены посвященные проблемам поэтики его романов диссертации (И. В. Карташовой и Н. Н. Грузинской); докторская диссертация, предварявшаяся монографией «Писемский в истории русского романа» (П. Г. Пустовойт). И. П. Видуэцкая в коллективном труде «Развитие реализма в русской литературе» (М., 1973) комментирует принципы характерологии Писемского. Продолжают защищаться посвященные проблемам творчества писателя кандидатские диссертации (Х.-Ю. Ленерт, В. А. Акимова, А. В. Тимофеев, Л. В. Манькова, С. П. Шакелина, А. В. Седов, С. М. Балувев, О. В. Тимашова, В. Ю. Антышева, Е. В. Павлова). Выходит книга в жанре «научной биографии» известного исследователя и комментатора творчества Писемского А. П. Могилянского «Писемский. Жизнь и творчество» (Л., 1991). Исследователи демонстрируют разные подходы – от психологического (А. В. Тимофеев) до историко-функционального (Ю. И. Минералов). Тем не менее приходится констатировать, что антропологический аспект художественности Писемского до настоящего времени практически не затронут – это объясняется не в последнюю очередь инерцией типологического метода, ориентированного на выявление характерологических, но не персонологических структур.

Во второй главе «Эстетические воззрения А. Ф. Писемского. Общая характеристика» эстетические взгляды Писемского анализируются на материале его литературно-критической статьи о поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» (1855) и эпистолярия. Писемский выделяет три эстетические константы гоголевского творчества: юмор, жизнеподобие и «типизм» образов (§ 1 *«Эстетический манифест А. Ф. Писемского: статья о втором томе поэмы Н. В. Гоголя “Мертвые души”»*). Юмор в представлении автора статьи – связанная с этическим императивом особенность поэтического мироотношения: он «углубляет предмет... без проникающей

силы его мелочь и пустота жизни не испугала бы так человека» [Писемский А. Ф. Собр. соч. : в 9 т. М., 1959. Т. 9. С. 545]. Писемский декларирует эстетическую оппозицию «лиризма» и «правды» (субъектно-эмотивной и объектно-номинативной денотации в поэтическом тексте). Термин «правда» – ключевой в эстетике Писемского – означает и верифицируемость художественной реальности, и этологию художественного мира, и язык искусства.

Эстетическая стратегия Писемского эксплицирована в его письмах к литераторам эпохи середины века – И. С. Тургеневу, А. Н. Островскому, А. Н. Майкову и др. (§ 2 «*Эстетические воззрения А. Ф. Писемского в эпистолярном наследии писателя*»). «Правда» как сигнификат художественности выражает синтез трагической и комической субстанций жизни. Образ мира, сложившийся в мировоззрении художника, подразумевает сцепление людских страстей и событий и представление о драматичности общих начал жизни. Итоговые размышления Писемского о природе реалистического творчества сосредоточены в его «теоретическом» письме к Ф. И. Буслаеву от 4 ноября 1877 г. Писатель рассуждает о жанровой открытости романа («роман свободней на ходу своем и может многое захватить и многое раскрыть» [Писемский А. Ф. Письма. М.; Л., 1936. С. 364]). Процесс творчества определяется взаимодействием творческого темперамента художника и фактов действительной жизни; в результате действительность должна претвориться в новом эстетическом бытовании: роман «должен представлять концентрированную действительность». Принцип «концентрированной действительности» в творческом мышлении Писемского осуществляется как установка на достоверность, достигаемую в результате художественного синтеза «внешних» и «внутренних» факторов человеческой экзистенции – воссозданием образа человека в присущих/предзаданных ему культурно-бытовом и историко-социальном контекстах и мотивированную логикой характера.

В третьей главе «Художественная антропология ранней прозы А. Ф. Писемского, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева и И. А. Гончарова» проводится системно-типологическое исследование художественных концепций и способов изображения человека в творчестве писателей в период формирования классически-реалистической системы.

На протяжении 1850-х гг. русская литература постепенно видоизменяла формально-содержательные каноны художественности натуральной школы. Наиболее очевидное направление изменений касается автономизации места и роли человека в социальном мире и универсализации его психически-ментального существа. Этическая философия Писемского преодолевает нормативную этику натуральной школы, апеллировавшую к категории социальной вины (§ 1 «*Психологизм раннего творчества Писемского. Мечтатели Писемского и Достоевского*»). Павел Бешметев («Тюфяк»,

1850) деградирует не столько вследствие влияния социальной микросреды, сколько вследствие психологического комплекса «жертвы». Исходное положение антропологии Писемского о бинарности этической природы человека совпадает с мыслью молодого Достоевского о том, что источник зла таится в глубинах человеческого сознания. Сравнение психоидеологической структуры личностей Бешметева и Ордынова («Хозяйка», 1847) позволяет отметить общность «уединенного» сознания обоих и деформирующей личностный мир коллизии «мечта – реальность». Однако Писемский исследует «общий случай», закономерность, а Достоевский – уникальность человеческого сознания: с позиций «реализма в высшем смысле», исключительное формирует логику обыденно-реального и неисключительного. В отличие от «канонических» романтиков, мечтатель Достоевского стремится к воссоединению с «живой жизнью» («Хозяйка», «Белые ночи»). В ранней прозе Писемского экзистенциал «живой жизни» вынесен за пределы ментального и культурного пространства «среды», в котором вынужден существовать центральный персонаж, – отчего он, как правило, гибнет. Достоевский расширяет границы личностного мира человека до размеров макрокосма, а Писемский сужает их, не находя перспектив движения личности ни в ее «микрокосме», ни тем более в ее социально-бытовом окружении.

Мечтатели Достоевского и Писемского в историко-генетическом плане различны: Ордынов – «настоящий человек русского большинства», петербургский интеллигент, связанный с «культурным периодом» русской истории; Бешметев – продукт «почвы». Писемский исследует социокультурный вариант мечтательства, в то время как Достоевский – историософский, но в обоих случаях социальная маркированность локуса «углов» отсылает к эстетике натуральной школы. Однако и Достоевский, и Писемский преодолевают «социоцентризм» натуральной школы, выдвигая в качестве ведущего мотива судьбы персонажа свободное самоопределение личности.

Этот мотив организует сюжет «жоржсандовских» произведений Писемского «Богатый жених» (1851), «Виновата ли она?» (1855) и «Боярщина» (1858) (§ 2 *«Жоржсандовская проблематика в художественной антропологии Писемского 1850-х гг.»*).

Антагонистами героинь Писемского являются персонажи рудинского плана – Шамилов («Богатый жених») и Эльчанинов («Боярщина»). В отличие от тургеневского Рудина они декларируют не идею, а доксу, «культурную идиому», – идею, потерявшую «идеологичность», содержательность и ставшую общим местом. Драматизм ситуации выбора между двумя формами культурного сознания – социально-консервативным (среды) и квазифрондерским («героев»), по сути прагматическим, – лишает героинь Писемского самой возможности выбора, и они обречены на существование в пределах той социокультурной «нормы» («обыденности»), от которой

стремятся отдалиться. В «Боярщине» Писемский воссоздает этически положительный тип «здравомыслящего человека» – Савелия Молотова и задает ситуацию идеологического спора псевдоромантика и «обыкновенного человека». Последний является в творчестве Писемского сверхтипом и обладает следующими устойчивыми чертами: во-первых, в его психофизическом существе ощутимо присутствие «родового» человека; во-вторых, его отличают национально-русские качества характера (природная доброта, преобладание стихийно-эмоциональных решений, фаталистический индетерминизм в представлениях о судьбе и т. п.); в-третьих, культурная «срединность» (его родная среда – «средний» культурный слой национальной жизни).

Коллизия двух типов сознания – экзальтированно-романтического и гармонически-прозаического – одна из основных в эстетической философии натуральной школы. Гончаров в «Обыкновенной истории» сделал эту коллизию структурной основой диалогического конфликта. Тургенев исследовал типы романтического и «реального» мироотношения в отдельности или в конфликтном столкновении в повестях и рассказах: «Андрей Колосов» (рассказчик и Колосов), «Затишье» (Веретьев и Астахов), «Яков Пасынков» (Асанов и Пасынков), «Бретёр» (Лучков и Кистер) и др., – в целом выявив их относительное равновесие в духовном пространстве русской жизни конца 1820–1850-х гг. В ранней прозе Писемского конфликт двух форм сознания оказывается ложным: и «спаситель» и «погубитель» героини являются носителями жизненных ценностей «среды». Первый внешне европеизирован и дистанцируется от нее, второй культурно и социально-генетически связан с ней, являясь в полной мере продуктом «почвы» (Степан Сальников, Марасеев, Задор-Мановский).

Феноменология романтического, постромантического и псевдоромантического типов сознания как художественно-антропологическая проблема рассматривается в § 3 *«Модификации романтических типов: демонический герой и рефлектёр. Романтики Писемского, Тургенева и Гончарова»*.

В романтическом тексте задана отнологическая (познание или жизнь) и этическая (добро и зло) структура демонического сверхтипа. Градация ослабления «демонического» содержания в ранней прозе Писемского прослеживается от психологически мотивированного характера Бахтиярова («Тюфяк») до механистического Курдюмова («Винювата ли она?»). Байроническая маска трансформируется в жизненную стратегию приживальщика: «*Чем, подумаешь, не разрешалось русское разочарование!*» («Мг Батманов», 1852; первоначальное название – «Москвич в Гарольдовом плаще»). Тургенев анализировал «*неизменную личину*» человека «низовой» дворянской культуры в рассказе «Бретёр» (1847). Имморализм обыденного сознания, претендующего на «литературоцентричность», сближает турге-

невского Лучкова с «демоническими» персонажами Писемского. Оба писателя исследуют тип человека, в котором вторично-литературное содержание вытесняет индивидуальное, и видят в массовом сознании, деформированном романтическими клише, вариант «провинциального текста».

Тип рефлектора генетически связан с традицией европейского аналитического романа. Полярность его микрокосма не этическая, а гносеологическая (эмоциональное и рациональное как два канала самопознания). Персонажи-рефлекторы Писемского подменяют рациональные интенции прагматическими (Шапилов и Эльчанинов). В их существе отсутствует понятие интеллектуального или душевного переживания, интенсивность которого в подлинных героях такого плана велика, равно как и неспособность свести воедино «ум» и «сердце». Писемский не использует сложной тургеневской схемы «гамлетического» характера, когда на нравственно-философскую рефлексию накладывается психологическая («Гамлет Щигровского уезда», «Рудин»). Он изучает русский «гамлетизм» как тип социального поведения, если угодно, социального темперамента (романтик-конформист).

«Романтизм» и прагматизм как две возрастные фазы в психосоциальном развитии человека исследовал И. А. Гончаров («Обыкновенная история»). Истоки романтического мирозерцания персонажей Гончарова и Писемского сходны: это культурное влияние романтизма – в стадии затухания – на провинциальную русскую почву 1840-х гг. Но «бытовой» романтизм гончаровского героя переживается им как личный опыт; «бытовой» романтизм персонажей Писемского подражателен. Писемский упрощает содержание романтических типов и сводит их к поведенческому и речевому стереотипу, по сути, исчерпав их характерологические перспективы.

Сравнение с персонажами Тургенева (Лучков, Рудин, щигровский Гамлет) и Адуевым-младшим Гончарова позволяет констатировать «бытовизм» характеров Писемского. В отличие от Гончарова, допускавшего «романтизм» как стадию человеческого взросления, и Тургенева, видевшего в романтическом мироощущении проявление ментально-психологических начал, присущих общечеловеческим типам Гамлета и Дон-Кихота, Писемский девальвирует душевный мир своих персонажей (квазиромантизм).

В немалой степени снижение романтического героя задается бытовым декорумом (§ 4 *«Предметный мир в прозе Писемского 1850-х гг.»*).

Писемский в отличие от эстетически родственного ему Гончарова скорее «опредмечивает» человека, чем психологизирует предметы. Наибольшее совпадение предметной изобразительности Писемского и Гончарова наблюдается в ранней прозе писателей. В произведениях Писемского 1850-х гг. и «Обыкновенной истории» Гончарова предметность «личной

сферы» персонажей маркирует их социокультурный статус. Достоевский пошел иным путем, отвлекаясь от поэтики реализма 1840-х гг. («Двойник», «Слабое сердце»), разрывая метонимическую связь «человек – вещь», встраивая вещи в идеологическое пространство произведения («Записки из подполья», «Преступление и наказание»). «Система вещей» в художественном мире Писемского автономна и вместе с тем является феноменологической редукцией человеческого существа – особенностей его характера, внешности и обстоятельств жизни. Вещный контекст персонажей второго плана, в том числе псевдоромантиков, удваивает семантику «материальности» в их душевном составе. Писемский минимизирует предметное окружение персонажей, обладающих способностью к внутреннему развитию (Бешметев, Лиза Масурова, брат и сестра Ваньковские и др.). Остальные действующие лица его ранних произведений «равны» быту, а потому часто «овеществляются» и становятся продолжением предметного (неживого) мира.

В конце 1850-х гг. логика литературного развития выдвигает на первый план фигуру человека, выражающего историко-социальное и философское содержание эпохи, «биографию-концепцию» (Л. М. Лотман). Имморализм (идеологема «комфорта») в сочетании с либеральным утопизмом сознания определяет парадоксальность характера главного героя романа «Тысяча душ» (1858) Калиновича (§ 5 *«Усложнение концепции характера в романе “Тысяча душ”. “Гордый человек” Писемского и Достоевского»*). Редуцированный «демонизм» Калиновича прослеживается в полярности его этического мировоззрения (допущение зла ради общего «блага»). Он – «мошенник» (самоназвание) в системе координат личной судьбы и реформатор в историко-социальной перспективе. Автор доказывает невозможность сосуществования в едином психическом и экзистенциальном пространстве двух начал: «этики» и «прагматики».

Тип «гордого человека», модификация демонического сверхтипа, в 1860–1870-е гг. был актуализирован в персонологии Достоевского (Раскольников, Рогожин, Ставрогин). Достоевский дестетизирует романтический демонизм и возвращает ему исконное значение «преступника против Бога». В подготовительных материалах к роману «Преступление и наказание» звучит та же тема «комфорта», что и у Писемского: «Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием» [Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1973. Т. 7. С. 154]. Однако мотив «комфорта» второстепенен у Достоевского. На первый план в его романах 1860–1870-х гг. выдвигается мотив «выделки в человека», входящий в мотивный комплекс «обособления». В социально-исторической практике понятие «обособления» означало отпадение значительной массы «образованного меньшинства» от «почвы», в социально-философской – примат теории «среды» над теорией личности, в метафизической философии – оппозицию атеистиче-

ского и христианского типов сознания. Антропологический «сюжет» Достоевского персоналистичен: человек делает свободный выбор между «идеалом Мадонны» и «идеалом содомским».

Оба писателя приходят, в различных психологических системах, к одному выводу – призыву к смирению. В Пушкинской речи, завершающей историософские искания Достоевского, эвокация «Смирись, гордый человек» адресована пушкинскому Алеко – и «демоническим» скитальцам как формации русского «образованного меньшинства». В романе «Тысяча душ» Писемский анализирует этико-историческую эманацию идеи «обособления», а Достоевский в «Преступлении и наказании» – философско-метафизическую. «Гордый человек» Писемского дискредитирован не в системе религиозно-философской аргументации, а в системе этико-психологической «логики обстоятельств» – духовной биографии выскочки-разночинца в эпоху конца 1840–начала 1850-х гг.

Таким образом, «средний человек» натуральной школы, с его усредненными и «суммарными» социально-антропологическими качествами, в прозе Писемского 1850-х гг. вытесняется типом «обыкновенного человека» (Бешметев, Вера Ензаева, Лидия Ваньковская, Савелий). В структуре личности становится первичным этический компонент. «Среда» – в ранней прозе Писемского это «средне-высший» культурный слой русской провинции – трактуется не в качестве социально-формирующего, а в качестве культурно-деформирующего фактора воздействия на личность. Будучи локализован в быто-культурном контексте, человек Писемского замыкается в психологическом переживании личностной нереализации. Личность становится основным критерием ценности жизненного – лежащего вне социальной аксиоматики – порядка.

Четвертая глава «Концепция и образ человека в романистике А. Ф. Писемского, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова и Ф. М. Достоевского 1860–1870-х гг.» посвящена исследованию процесса «историзации» сознания человека 1860-х гг. в литературе классического реализма.

В § 1 «Характер центрального персонажа романа «Взбаламученное море». Либералы Писемского, Тургенева («Отцы и дети»), Гончарова («Обрыв») и Достоевского («Бесы»)» рассматриваются концептуально-образные варианты социоантропологического состава русского либерализма в полемических романах писателей. Общий замысел Писемского в романах 1860-х гг. – «Взбаламученное море» (1863) и «Люди сороковых годов» (1869) – сводится к исследованию феномена «человека сороковых годов», в том числе его «низового» культурного варианта. В художественном мышлении писателя «человек сороковых годов» предстает как историко-культурная проекция сверхтипа «обыкновенного человека». Центральный персонаж романа «Взбаламученное море» Бакланов в той же мере низшая разновидность типа «человека сороковых годов», в какой

Шамилов или Батманов были низшими разновидностями «гамлетовского» или демонического типов. «Диалог» Бакланова с эпохой 1860-х гг. разворачивается по жанрово-канонической схеме, апробированной в романе Тургенева «Отцы и дети»: либеральные «отцы» – радикальные «дети». Бакланов и тургеневский Кирсанов-старший психологически сломлены, потому что «сломлены» исторически – как тип «людей сороковых годов», вытесняемый из социальной жизни «базаровским» типом. Гуманитарная эпистемология «людей сороковых годов» и ее системообразующие концепты – искусство, поэзия, религия, народность и т.п. – сменяется естественнонаучной – позитивистской.

Русский либерализм в лице Кирсановых-старших и Кирсанова-младшего можно назвать «теоретическим» – абстрактно-гуманистическим (по определению Базарова, *«философией, то есть романтизмом»*). Авторская интенция в романе «Отцы и дети» заключалась в исследовании идеологии «лучших из дворян» и доказательстве ее исторической бесперспективности. Бакланов в отличие от Павла Петровича Кирсанова не «лучший из дворян», а человек, миропонимание которого атрибутирует сословную и нравственную «середину» дворянства: *«обыкновенный смертный из нашей так называемой образованной среды»* (гл. 24 ч. 4. – «Кто такой собственно герой мой»). Иррационализм жизненного сценария Бакланова соотносится с неопределенностью жизненной программы другого героя русского романа 1860-х гг. – Райского («Обрыв» И. А. Гончарова). Бакланов Писемского и Райский Гончарова обладают пониманием необходимости дела, которое аннигилируется невыработанностью их исторического сознания. «Артист» Райский эстетизирует действительность; Бакланов занимается, если воспользоваться определением Райского – Гончарова, «миражом дела». Оба тяготеют к «оторванности» от рода и родовых дворянских гнезд, отличаются незакрепленностью биографических связей, «летучестью» интереса к жизни, – такой эмоционально-«эстетический» тип мироприятия и соответственно – «эмпирический» либерализм позволяет сделать вывод о значительном типологическом сходстве «либералов» Гончарова и Писемского.

Наиболее полную художественно-антропологическую модель «человека сороковых годов» представил Достоевский в романе «Бесы». Степан Трофимович Верховенский (в черновиках – Грановский), по замыслу писателя, – *«портрет чистого и идеального западника со всеми красками»* [Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 11. С. 65]. Открывающая роман биография Степана Трофимовича – философско-идеологический код, позволяющий «прочесть» нигилизм 1870-х гг. в качестве исторического завершения эпохи русского интеллектуального либерализма 1840-х гг. Верховенский-старший так же оторван от «почвы», как и нигилисты, так же поначалу безгранично верует в «закон я». Его возвращение ко Христу

(гл. 7 ч. 3 – «Последнее странствование Степана Трофимовича») означает трансцендентальное превращение «скитальца» в «странника», признавшего «бессмертие души человеческой». Отсюда евангельский текст главы, в который «встраивается» факт духовного прозрения «*высшего либерала*», постигшего не только исторический и уголовно-политический, но и метафизический образ нигилизма.

«Низший» либерализм Бакланова апеллирует только к «праву личности», социальному эгоизму – без «общечеловеческой» гуманитарной составляющей персонажей Тургенева и Достоевского. Бакланов – «обыкновенный человек», не выражающий, а пассивно отражающий в своем мировосприятии историческое содержание эпохи. Это «*безличное лицо*» (Гончаров) – герой хроники, но не личного романа. И если в макросоциумири 1860-х гг. формируется парадигма социально-исторической коммуникации «человек и история», то Писемский трансформирует ее в парадигму «человек «рядом» с историей». Каждодневная жизнь человека становится «атомом» жизни общенациональной, ничтожно малой частью исторического процесса. Именно этот «нижний», «житейский» комплекс исторической жизни 1860-х гг. воплотил Писемский в своем полемическом романе. Если в 1840-е гг. «люди сороковых годов» были полезны своим интеллектуальным протестом, то в 1860-е гг. этап русского либерализма гегельянского плана, особенно в его культурно-бытовой манифестации, оказался исторически завершенным.

В § 2 «*Персонажная организация романа “Взбаламученное море”. Характерология русского нигилизма (Писемский, Тургенев, Гончаров, Достоевский)*» анализируется мир человека в его социально-историческом измерении.

Писемский один из первых апробирует персонажную композицию антинигилистического романа 1860-х гг., предусматривающую дивергенцию нигилистических групп на «честных» нигилистов («*схимник*» Проскриптский, прообразом которого стал Чернышевский, Валериан Сабакеев и Елена Базелейн) и «мошенников» (Виктор Басардин, братья Галкины, уголовник Михайло). В биографической континуальности воспроизведен характер нигилиста-«мошенника» Басардина, в фактуре которого анархическое сознание (непризнание авторитетов) спаяно с «материальностью» интересов – перспективой грабежей и насилия. Романист, с его установкой на изучение «*лжи*» эпохи, озвученной в последней главе, представил в первую очередь не трагическую фигуру «честного нигилиста», а нигилистическую «контркультуру».

Тургеневский Базаров, как герой трагический, «перерастает» жанрово-характерологические рамки «антинигилистического» романа. Миротношение Базарова под влиянием чувства к Одинцовой резко и катастрофически меняется – от первоначальной социократической доктрины «*Исправь-*

те общество, и болезней не будет» к антропоцентрической философии уникальности человеческой жизни. Трагизм личности Базарова прочитывается на экзистенциально-философском уровне поэтики романа, в то время как фигуры нигилистов Ситникова и Кукшиной репродуцированы в сатирико-полемическом модусе.

Заметим, что в романе «Дым» Тургенев воссоздал «ситниковскую» и «басардинскую» линии нигилизма, полностью устранив из повествования «серьезных» нигилистов. Собрание у Губарёва (гл. IV) с криками Бамбаева, сплетнями Суханчиковой и мычанием «вождя» ретранслирует не только звуковую, но и смысловую какофонию. В романах «Отцы и дети» и «Дым» Тургенев фиксирует эволюцию общественного сознания «нигилистов» от рубежа десятилетий к середине 1860-х гг. – от трагической жертвенности к комическому самолюбованию.

Гончаров в романе «Обрыв» констатирует «промежуточный» тип нигилистического сознания. Марк Волохов в романной структуре – двойник Райского, и характер романтического героя, «русского Карла Мора», соответствует его природе больше, чем «пугачевский» (базаровский). Автор «Обрыва», написанного шестью годами позже «Взбаламученного моря», мог видеть то, чего из-за аберрации близости не мог видеть Писемский: растерянности нигилиста, попробовавшего на практике пожить «понигилистически» – до первого серьезного столкновения со своей «натурой» и «страстью». Марк Волохов «отменяет» дифференциацию нигилизма на «чистый» и «прикладной», занимая промежуточную сферу в нигилистическом праксисе. Это подтверждается и авторскими характеристиками Волохова как человека переходного типа – от «старого поколения» к «новому».

Достоевский в романе «Бесы» воссоздал метафизический облик русского нигилизма. В художественном мире «Бесов» действуют иные люди, чем в полемических романах Писемского, Тургенева и Гончарова. Имморализм Ставрогина, экзистенциал человекобога Кириллова или «половинчатое» почвенничество Шатова указывают на катастрофизм сознания русского человека рубежа 1860–1870-х гг., его не только историческую, но и религиозно-философскую дезориентированность.

В романе Писемского нет и не может быть демонических персонажей наподобие Ставрогина и его взаимоотрицающих проекций Кириллова и Шатова. Философия человека у Писемского не подразумевает абсолютной, метафизической раздвоенности человеческого духа. Вопрос Ставрогина архиерею-старцу Тихону: «А можно ль верить в беса, не веруя совсем в Бога?» [Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 11. С. 10] – невозможен в философском дискурсе Писемского. Зато «мелкие бесы» кружка Верховенского-младшего в их готовности «пускать судорогу» сопоставимы с Басардиным и братьями Галкиными, призывавшими «взять топор».

Нигилисты Писемского действуют без опоры на теорию; нигилисты Достоевского придерживаются социал-дарвинистской доктрины, предполагающей разделение человечества на два подвида (шигалевищина). Концептуально-характерологические сближения персонажей «Взбаламученного моря» и «Бесов» обнаруживаются только в «отрицательной антропологии» личин-псевдоличностей.

В § 3 *«Культурно-исторический код эпохи в романе А. Ф. Писемского "Люди сороковых годов". Многогранность человеческого бытия»* изучается специфика понятия «люди сороковых годов» в художественном мышлении Писемского. В одноименном романе это сообщество представляющих *«хоровое начало»* русской жизни и усвоивших «гуманитет» гегельянской эпохи прагматиков. Внимание автора сосредоточено не на открытом столкновении старого социального порядка с новым, как в предыдущем романе, а на постепенном «наращивании» либеральной идеологии в образованном русском обществе середины века. В романе отражены философско-эстетические позиции позитивистов (Салов) и гегельянцев (Неведомов), адептов гоголевской школы (главный герой Вихров), классицизма (Коптев – Катенин) и эпигонского романтизма (Кергель), в целом – «борьба между университетским мировоззрением и мировоззрением остального общества» [Писемский А. Ф. Собр. соч. : в 9 т. Т. 5. С. 213]. Отметим также «жоржсандовский» период в жизни героя, отвечавший духовным запросам культурной генерации 1840-х гг. (гл. 12 ч. 2 «Жоржзандизм»).

Либеральный утопизм сознания Писемского сводится к формуле «честная служба» и «здравый смысл» как основа государственности, причем первая часть – «честная служба» – относится к «образованному сословию»; вторая – «здравый смысл» – отсылает ко всему укладу народной жизни и призвана утвердить главенство народного мирозерцания над интеллектуальным хаосом оторванной от национальных корней интеллигенции (идея узнаваемо почвенническая, но с поправкой на либерализм Писемского – своего рода институциональное почвенничество).

В конце 1860-х гг. к идее *«хорового»*, или, во всяком случае, «общего» национального начала русской жизни приходит Гончаров, создавший образ «хранительницы» Татьяны Марковны Бережковой, которая обладает «живой струей здорового практического смысла» («Обрыв»). Субстанциональные начала «здорового смысла» у Гончарова – повторяемость и предсказуемость – подразумевают традиционализм жизненного уклада. «Натурфилософское» мировосприятие Бабушки ориентировано на архетипические и рудиментарные формы национальной культурной жизни. В художественном мировоззрении Писемского «здравый смысл» – категория социально-психологическая (демократический рационализм), и с ней он связывает представление об эволюционных процессах в обществе (§ 4 *«Тип "честного прагматика" в романах Писемского ("Люди сороковых*

годов»), Гончарова («Обрыв») и Тургенева («Новь»). Дуальность человеческой природы»).

Социальная группа «людей сороковых годов» в романе дифференцирована. Они занимают как верхнюю ступень общественной иерархии (в их число входит император Александр II), так и ее средний уровень. Повторим, что согласно авторской концепции исторического движения не как смены идеологий, а как накопления коллективного духовного и практического опыта, «люди сороковых годов» не мыслители, а практики. Вихров и такие второстепенные персонажи, как Кергель, Замин, Живин и Илларион Захаревский, относятся к типу «честных прагматиков» – людей с манифестированной социальной телеологией и достаточно аскетичных в личном быту (их личное кредо может быть сформулировано как «антикомфорт», т. е. отказ от любых эгоистических и материальных желаний).

Подобные «герои времени» были воссозданы Гончаровым в «Обрыве» (Тушин) и Тургеневым в романе «Новь» (Соломин). Потребность в простоте, противоположной сложности мысли и жизненных отношений поколения «гегельянцев», равно как и теория «малых дел», сменившая в общественном сознании абстрагирующую системность немецкой классической философии, стали социально-историческим вызовом эпохи конца 1860–1870-х гг. «Бессознательный новый человек» Тушин в отличие от нигилиста Волохова или «артиста» Райского устремлен к развитию. Психологической мотивацией образа Тушина стало «удержание» этического («понимать прелесть правды и жить ею») мировоззрения, социальной – отказ от «миража дела» в пользу «настоящего» дела.

Тургенев также дегероизировал, в сравнении с «сознательно-героическими» натурами его романистики рубежа 1850–1860-х гг., образ своего современника, человека 1870-х гг. Соломин, с которым связано авторское задание изучить «*струю социальную, гуманную, общечеловеческую*», в подготовительных материалах (1870) к роману «Новь» именуется «настоящим практиком на американский лад». Тургенев изобразил позднейшую, по сравнению с воплощенной в романах Гончарова «Обрыв» и Писемского «Люди сороковых годов», фазу исторического процесса в России. В 1870-е гг. выдвинулся массовый тип демократического деятеля: «*Постепеновцы до сих пор шли сверху, а мы попробуем снизу*» [Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Соч. : в 12 т. М., 1982. Т. 9. С. 254]. «Люди сороковых годов» в романе Писемского также многочисленны, но обладают менее радикализированным общественным сознанием. Их деятельность легитимна и подразумевает не оппозицию «власти», а «хоровое» общенациональное реформирование социальной системы.

Наряду с социализацией человека в романах Писемского 1860-х гг. возрастает его зависимость от биологических механизмов жизни (подсознательные импульсы в мотивации его жизненного выбора, проявление

бессознательных влечений и т. п.). Апелляция к «родовому» человеку отвечала культурологическим тенденциям времени. В 1860–1870-е гг. в русской, равно как и в западноевропейской, литературе актуализируется категория «родового» человека, связанная, с одной стороны, с главенством в позитивистской литературной теории концепта «расы», одной из составляющих триады «раса, среда, момент» (суммы врожденных и приобретенных влияний в человеческой «органике»), и, с другой – с почти противоположным позитивистскому учению о человеке поиском внесоциальных и индетерминистских оснований человеческого существа. Кроме того, во второй половине 1860-х гг. идеи философского антропологизма (Штирнер) и особенно витализма (Фейербах) проникли в русскую словесность и инспирировали интерес литераторов к «биологической» (чаще понимаемой как «темная», хтоническая) стороне человеческой природы.

«Родовой человек» в творческом сознании Писемского является антропологической константой, начиная с его ранних повестей и романов. «Биологический» человек постоянно «спорит» у Писемского с человеком социальным, и его иррациональная интенциональность «ломает» человеческую судьбу (Бешметев, Калинович, Годнева, Бакланов, Ленева, Вихров, Фатеева, в романах 1870-х гг. – князь Григоров, Бегушев, Ченцов, капитан Зверев).

Проявления витальной сущности человека стали одним из главных предметов исследования Гончарова в романе «Обрыв». Автор объяснял свое особенное внимание к изображению любовного чувства его первичностью по отношению ко всем остальным. *«Все образы страстей»* располагаются у него в порядке убывания составляющей сознательной «человечности» (Тушин – Вера, Райский – Вера, Козлов – Ульяна, Савелий – Марина, *«эта крепостная Мессалина»*). Гончаров убежден, что страсть способна либо развить человека, либо привести его к деградации, в зависимости от правильного или неправильного ее направления. В «любви-борьбе-вражде» (Е. А. Краснощекова) Веры и Волохова обнаруживается высокий потенциал их личностей – каждый по-своему смирил свою *«самостоятельную и гордую»* волю.

Тургенев в романах «Отцы и дети» и «Дым» также исследовал иррациональность любовной страсти. Базаров испытывает к Одинцовой *«страсть, похожую на злобу»*, *«сильную и тяжелую»*. Литвинов ощущает ужас «природного» начала, которому не в силах сопротивляться. Испытание философско-идеологическое – Базарова, влюбившегося в Одинцову; этико-психологическое – Литвинова, повторно полюбившего Ирину Ратмирову, – в известном смысле «уничтожает» их личности. Переживание страсти как чего-то темного и бессознательно-фатального свойственно большинству тургеневских персонажей. Бытийная иерархия человек – природа – космос/вечность в философии человека Тургенева генерализи-

рует проблему человеческих коллизий. За «встречей» человека с судьбой, ослепляющим его любовным чувством просматриваются общие законы бытия, единство антропо- и космологических стихий.

В художественном мировоззрении Писемского категория «родового» человека – фактор, отягчающий положение человека в мире, соотносимый с категорией рока в эстетическом пространстве трагедии. Такая трактовка концепта «родового» человека ближе тургеневской, однако для тургеневского героя испытание страстью грозит потерей личностной цельности, а для человека в прозе Писемского это одна из форм его самоидентичности, необходимая для полноты переживания жизни. Но, в отличие от концепции «страстей» Гончарова, Писемский, также считающий страсть обязательным элементом жизненного процесса, его «нормой», – не признает ее главенства в системе межличностных отношений.

Выражая «общий уровень» морального самочувствия и умонастроений эпохи, человек в романах Писемского 1860-х гг. релевантен ее социально-историческому содержанию. Имманентный историзм сознания героев Тургенева, Гончарова и Достоевского подтверждает общность постановки проблемы «человека исторического» в русской литературе 1860–1870-х гг. Присутствие «родового человека» в структуре человеческого существа свидетельствует об усложнении «уровней человечности» (В. М. Маркович) в классически-реалистической антропологии этого периода.

Пятая глава *«Художественная модель человека в поздних романах А. Ф. Писемского в контексте русской литературы 1870-х гг. (И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский)»* посвящена анализу «теории человека» в поздних романах Писемского и ее типологическому сравнению с художественно-антропологическими исканиями И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского.

В 1 параграфе *«Антропологическая онтология в романах А. Ф. Писемского “В водовороте”, И. С. Тургенева “Новь” и “Дневнике писателя” Ф. М. Достоевского»* изучается концепция человека, сложившаяся под влиянием усилившегося философского пессимизма писателя («В водовороте», 1871). Дихотомия сознания главного героя, князя Григорова, обусловлена ориентацией, с одной стороны, на консервативно-традиционный образ мира (аристократизм, религиозность, род), с другой – на его аннигиляцию (демократизм, атеизм, отрицание института брака). Это получает символично-философское выражение в мифологеме «двух Адамов»: «ветхого», эгоистически-животного, и «нового», альтруистически-духовного. Ценностным критерием мироотношения остается персонализм, а не позитивистский биологизм, и разум, оперирующий модальностью долженствования (необходимости), вступает в непрерывный поединок с чувством, отвечающим за этический выбор человека. Двойственность мировоззрения героя проецируется в сюжетной композиции романа

на историю его взаимоотношений с двумя женщинами, воплощающими в своей ментальной структуре два состояния мира: соотносимой с лермонтовским Демоном убежденной нигилисткой Еленой Жиглинской (апостасия) и кроткой, ангелоподобной княгиней Григоровой (сотериология).

Елена Жиглинская скорее антагонист князя, нежели его союзник. Она философски отрицает традиционный (христианский) уклад социальной жизни, а затем отвергает князя, как человека, жизненные ценности которого, несмотря на его «нонконформизм», заданы этим укладом. Безверие, убежденность в конечности бытия и социальный негативизм приводят Елену к краху, равно как и двойственного князя. Гибель князя и Елены свидетельствует о бесперспективности отрицания, хотя религиозное смирение княгини Григоровой также не избавляет ее от нравственных терзаний.

По мысли автора, несовершенен не какой-либо конкретный социальный порядок жизни – несовершенна сама жизнь, как процесс, обрекающий людей на страдания и, главное, заставляющий их причинять страдания друг другу. Бытийные противоречия человеческого существования закрепляются в символических/мифологических и исторических именах, замещающих индивидуальную номинацию героев: Елена – Демон, Ревекка, Агарь и Мария Магдалина; князь – Гамлет; княгиня – шекспировская Корделия, Наталия Долгорукова, пушкинская Татьяна. Характеры героев не только получают символично-культурную коннотацию, но и объясняются биологически (притяжение–отталкивание темпераментов, безумие князя как реакция на противоречие между императивом сознания и вызовом подсознательного в его натуре). Биологическая составляющая в природе человека делает его присутствие в мире еще более безрадостным.

Сюжетная и духовная ситуация князя-демократа позже повторится в романе И. С. Тургенева «Новь». Нежданов, по замыслу автора побочный сын князя Г. (Голицына), сочетает в своей натуре генетический аристократизм и приобретенный демократизм. Сочетание дисгармоничное, приведшее его к философскому самоубийству. «Гамлетическое», исконно-антропологическое начало характеров князя Григорова и Нежданова, выраженное в их скептицизме, самоанализе, раздвоенности чувства и мысли, послужило первичной причиной их самоубийств. Время, характер эпохи в данном случае вторичны. Известно, что Тургенев мучился неразрешимостью вопроса о *«достоинстве сознания собственного ничтожества»* человека. Обреченность человека смерти не исключает его успокоения в «духе природы». Романы Тургенева наряду с философским пессимизмом отмечены социальным (идея демократизма) и историческим (идея прогресса) оптимизмом. Поэтому смерть (конечность существа) Нежданова в художественной архитектонике «Нови» «уравновешивается» идеей о продолжительности социального движения. У Писемского гибель князя Григоро-

ва и Елены Жиглинской «социально-пессимистичны». Они означают, что мораль социального эгоизма (на персонажном уровне романа – барон Мингер и другие «фигуранты среды») сильнее социально-альтруистической морали.

Писемский в решении проблемы человека следовал формуле Достоевского о непознаваемости человеческого существа и его персонологической «мотивики». Именно Достоевский достиг понимания низшей точки падения человека как начала его духовного пресуществления: «восстановление погибшего человека» признается им «основной мыслью всего искусства девятнадцатого столетия» [Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 20. С. 28]. В «Дневнике писателя» за 1873 г. («Влас») Достоевский-публицист называет потребность русского человека метнуться от «безудержа» к святости национальной чертой: «У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье для него неполно» [Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 21. С. 36]. Компонент счастья-страдания входит в структуру внутреннего универсума человека в поздних романах Писемского. Князь Григоров не ощущает «легитимности» своего счастья и предпочитает страдание, как подлинное, от Бога, бытие. Писемский отражает одну из черт национальной психологии, названную Н. О. Лосским «способностью к высшим формам опыта».

Этико-философская трактовка человеческого существа в романе Писемского «Мещане» (1877) осуществляется в системе культурологической аргументации (§ 2 *«Духовный мир человека в романе “Мещане”. Идея “капитала” в художественной концепции А. Ф. Писемского и Ф. М. Достоевского»*).

Идеологическая архитектоника романа Писемского организуется смысловой доминантой культурной гибели дворянства (по определению главного героя, – *«рыцарства»*). Главный герой, Александр Иванович Бегушев, чья биография и черты личности имеют неслучайное сходство с биографией и личностью Герцена, является последним представителем уходящего «рыцарства» – идеологии духовной свободы. Импульсом к продолжению отложенного в середине 1870-х гг. романа для Писемского стало крушение Московского коммерческого ссудного банка в 1875 г. На это же событие откликнулся Достоевский в «Дневнике писателя» за 1876 г. (октябрь, глава II, главка IV «О том же»). В предыдущей главке III («Лучшие люди») Достоевский обосновывает нравственное преимущество прежнего, дореформенного дворянства (некоторой, «лучшей» его части) перед нынешним, пореформенным.

Для автора «Дневника писателя» не подлежит сомнению, что нравственное падение страты «лучших людей» вызвано европеизацией форм внутрисословной жизни. Писемский, далекий от историософских построений, связывает упадок *«рыцарства»* не с отрывом от «почвы», а с измене-

нием общественного сознания, ориентированного на ценности *«мещанства»* (по Писемскому, это торжество *«Ваала»*, по Достоевскому, – *«золотого мешка»*). Образом-символом наступления последних времен человечества в творческом сознании Достоевского стала Всемирная торговая выставка в Лондоне, в *«Зимних заметках о летних впечатлениях»* (1863) принявшая формы цивилизационного апокалипсиса. Такое же впечатление произвело зрелище Всемирной выставки на героя романа *«Мещане»*, осмыслившего ее символику как торжество идеи дегуманизирующего прироста человека материального *«прогресса»*.

В романах Достоевского 1860–1870-х гг. идея *«капитала»* декларируется по крайней мере дважды: в идеологическом монологе Гани Иволгина (*«Идиот»*) и записках Аркадия Долгорукого (*«Подросток»*). Их мотивация – компенсация личностной неполноценности; самоутверждение; независимость в социально-элитарной форме (власть *«капитала»*). Персональный аспект личности редуцируется, ценностные требования *«среды»* (*«капитал»* как высшая жизненная ценность) актуализируются. Личность становится зависимой от *«среды»* – вопреки первоначальной интенции быть от нее свободной. Ганя Иволгин *«тепл, а не горяч и не холоден»* и потому сущностно равнодушен и пуст. Своей заурядностью он близок персонажам *«Мещан»*, преуспевшим в стяжании *«капитала»* (Янсутскому, Офонькину и др.). Их метафизическая *«теплота»* в художественном мире романа Писемского становится главным принципом и главной возможностью существования царства *«Ваала»*.

«Ротшильдская» идея Подростка предусматривает уединение, могущество и новый эгалитаризм, достижимые только при помощи *«капитала»*: *«Деньги сравнивают все неравенства»*. Но, устраняя неравенство возможностей, равняя всех в праве обладания, деньги возводят новое неравенство – середины, которая станет первой, и остального человечества, которому уготована роль *«последних»*. Идеологический диалог Аркадия Долгорукова и Версилова в романе *«Подросток»*, по сути, равнозначен философскому высказыванию Бегушева: идея *«капитала»* (*«мещанства»*) аннигилирует идею *«рыцарства»*.

Разочаровавшись в европейской цивилизации после революции 1848 г., установившей окончательную историческую гегемонию *«третьего сословия»*, Бегушев *«в Россию... еще менее, чем в Европу, верил»* [Писемский А. Ф. Собр. соч. : в 9 т. Т. 7. С. 73]. Можно констатировать сходство личности *«духовного скитальца»* Бегушева, с раздвоенностью его психического существа, метафизической бесприютностью и категоричностью нравственного императива, – с чертами личности Версилова (*«Подросток»*). Версилов страдает от *«материальности»* западной цивилизации и утверждает, что *«высшая идея»* аристократизма единственно в состоянии противостоять духу разрушения, охватившего Европу и пореформенную Россию. Те-

ма «лучших людей» озвучена Версиловым в символично-утопическом контексте сна о «золотом веке». Версилов, тоскующий о «*всепримирении идей*», обосновывает миссию русского культурного типа – «*всемирное боление за всех*». Осуществить его способно сословие «лучших людей», в смысле буквальном и истинном, а не в прежнем смысле привилегированной касты» [Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 13. С. 177–178]. Ни Бегушев Писемского, ни Версилов Достоевского не обладают гармоничным мироощущением – и оба связывают свою внутреннюю дисгармонию с утратой социально-этического кодекса «лучших людей». Однако главнейшая причина их душевного дискомфорта, несомненно, скрыта в культурологическом комплексе «духовного скитальчества».

Личность Бегушева – личность человека, культурно и идеологически принадлежащего к завершенной эпохе, что находит подтверждение в его финальном бегстве на Кавказ (а не на балканскую войну середины 1870-х гг., события которой обсуждаются в романе). Логика исторического времени и логика персональной судьбы разнонаправленны, и человек становится одиноким не в границах социальной микросреды, как это было в прозе Писемского 1850-х гг., а в границах жизненного пространства вообще. Напомним, что в панорамных романах Писемского 1860-х гг. человек ощущал себя неотделимым от общего движения жизни (в основном – социальной) и настроение онтологической заброшенности было ему чуждо.

Представление Писемского о экзистенциальной замкнутости человеческого существования преодолевается в его последнем романе – «Масоны» (1880) (§ 3 «*Завершение художественных исканий Писемского. Художественная антропология в романах А. Ф. Писемского “Масоны” и Ф. М. Достоевского “Братья Карамазовы”*»). В 1830–1840-е гг., воссозданное в «Масонах» исторически недавнее прошлое, просветительский дидактизм, как социальная практика, исчерпал себя. Отсюда некоторая – санкционированная автором – слабость «идеального» Марфина, не обладающего полнотой «чувства жизни». Человеческое существо становится ареной столкновения идеальных стремлений духа и заключенной в его натуре, характере и темпераменте «воли к жизни» – инстинктивных и подсознательных психологических стимулов и мотивов (сестры Рыжовы, Ченцов, Зверев).

Писемский гораздо глубже, чем раньше, исследует душу падшего человека и впервые пытается проследить «психологический процесс» страдающего грешника (Ченцов). В романной концепции Ченцов соотносится с трагедийным героем – Дон-Жуаном [Писемский А. Ф. Собр. соч. : в 9 т. Т. 8. С. 34, 285]. Его душевная проекция отражает мистериальную борьбу «неба» и «земли». Характер Ченцова тяготеет к этнопсихологическому типу, который одновременно с творцом «Масонов» анализировал Достоевский в романе «Братья Карамазовы». В главе «Исповедь горячего сердца.

В стихах» (кн. 3, гл. III) Митя Карамазов формулирует основные законы антропологии самого автора. Первый – о непостижимости и амбивалентности понятия красоты: «Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» [Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 14. С. 100]. Второй – об антиномичности человеческого сознания: «...иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинается с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны...» [Там же]. Но, поскольку Дмитрий оам одержим соблазном красоты, «дьяволическая» ипостась его существа в момент разговора преобладает – отсюда вывод о «широкой», иначе – карамазовской натуре: «Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. <...> Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой» [Там же]. «Карамазовская сила» приобретает в изложении Дмитрия Карамазова черты антропологической номологии. Стихийная и дорациональная, дологическая, однако Бого-(Лого)центричная жизнь и есть главнейшее «зерно истины» в когнитивной структуре романа Достоевского.

Такого рода «бурлящее» чувство жизни свойственно Валериану Ченцову. «Темное», деструктивное начало в человеке не исключает соприсутствия в его существе начала высшего, теистического. Писемский смело вторгался в бессознательно-инстинктивные области человеческой натуры («биологизм») и оправдывал их с позиций гармонического природно-социального универсализма. Тенденция оправдания человека, переживающего полноту «живой жизни», увиденного в непрерывности и нерасчлененности его высоких и низких чувствований и страстей, сближает антропологические подходы обоих художников.

Если в персонологической концепции образа Марфина доминирует рационалистическое миропонимание, а мирочувствование Ченцова отражает трагедийную бинарность его существа, то «строение» личности капитана Зверева, «простого, но все-таки поэтического» человека, организовано иррационально-эмоциональным «естественным» сознанием – «философией сердца». Завершающим типом человека в романистике Писемского стали «стихийные» натуры Зверева и Ченцова. Ченцов близок Звереву в переживании полноты жизни, однако раздвоенность субстанций «духа» и «тела» в его натуре разрушает ее цельность. Писемский приходит к окончательному выводу всего своего творчества: главнейшей эстетической ценностью являются самый процесс жизни и «обыкновенный человек» как ее субъект и творец.

«Учение о человеке» Писемского предполагает тождество «родового» (телесного) и «природного» (душевно-эмоционального) компонентов в структуре человеческого существа. «Родовой» человек, дисгармоничный и потенциально саморазрушительный, «уравновешивается» в человеческой

натуре присутствием гармоничного «природного» человека. Писемский исходит из традиционного для христианских культур положения о дуальности человеческой природы, но в «Масонах» заявлен приоритет «телесного» и «сердечного» перед духовным, как приоритет живого процесса жизни перед ее идеальной моделью. Повторим, что вслед за Н. О. Лосским такую позицию можно назвать *панвитализмом*. Итогом художественной антропологии Писемского стал тип «природного» человека, в котором преобладают биологическое – «телесное» и сенсуалистское – душевно-чувствительное начала, органично соединенные с нравственным мироощущением.

В заключении подводятся итоги работы и делаются основные выводы. Нами была предпринята попытка исследования прозы А. Ф. Писемского в аспекте «человековедения», в результате чего предложено осмысление его художественной парадигмы как последовательной смены контекстов человека – социокультурного, социально-исторического и экзистенциально-философского. Исследование проблемы человека в качестве концептуального и динамического параметров национального литературного развития позволило сделать вывод о расширении контекстов человека как одним из определяющих механизмов развития русского классического реализма. Наряду с этим можно констатировать последовательный – на протяжении трех десятилетий – литературный анализ углубляющейся личностной самоидентификации человека, его этико-философского миропонимания.

Проблемы художественной антропологии Писемского, рассмотренные в контексте развития русской литературы 1840–1870-х гг., выдвигают на первый план категории «родового» (биологического), социального, исторического, «природного» («сердечного») и духовного (метафизического) человека. Факторами, влияющими на мироощущение человека в прозе Писемского, становятся факторы социокультурные (быт, нравы, социальные нормы макросоциума и – чаще – локальной микросреды); социально-исторические (характер исторического момента, место человека в исторически изменчивой реальности, его самоопределение в обстоятельствах «времени») и экзистенциально-философские (проблемы выбора, ценностных ориентаций, этического универсума, самопознания, философского сомнения). Совокупность форм, условий и закономерностей существования человека в классически-реалистической литературе 1840–1870-х гг. отражает ее художественно-антропологическую проблематику: личностного самоопределения; философского и культурологического диалога двух типов сознания (романтического, постромантического и «прозаического», обыденного; религиозного и атеистического; «гегельянского», «эстетического» и позитивистского, нигилистического и т. п.); взаимопроникновения рационального и эмоционального, сознательного и бессознательного начал в структуре человеческого существа; взаимодействие «внутреннего

человека» со сложным общественным организмом – как правило, его разобщение с социальным миром.

Художественно-антропологические модели ведущих русских писателей периода 1840–1870-х гг. – естественно-стадиальная у И. А. Гончарова, религиозно-метафизическая и историософская у Ф. М. Достоевского и «космо-антропологическая» у И. С. Тургенева – определенным образом отражаются в оригинальной формуле человека у А. Ф. Писемского. Определяющим отличием «человека Писемского» от созданных ведущими русскими писателями середины века антропологических «структур» является его быто-культурная «заземленность», укорененность в ментальном и бытовом пространстве русской провинции. Человек в прозе Писемского – «низовая» проекция высоких художественно-концептуальных образов, разрабатываемых великими современниками писателя, вместе с тем сохраняющая их духовную и интеллектуальную энергию. В этом смысле актуальным остается высказанное нами положение о функциональном своеобразии художественности Писемского, которое выражается в единстве классически-реалистической концепции человека и беллетризованного контекста.

Писемский создал оригинальную концепцию человека, которая, тем не менее, укладывается в русло магистрального движения русского классического реализма: от человека «среды» – к человеку психологически и мировоззренчески сложному, не объяснимому рационально, способному к неограниченному личностному развитию, – человеку духовному. Таков главный вывод нашей работы. Перспективой настоящего исследования может стать изучение системности художественной антропологии русского классического реализма и разработка общей «теории человека» в литературе этого периода. Другим направлением исследований, в ходе которых допустимо привлечение выводов диссертации, является функционирование категории «биологического» человека в русском натурализме и неоромантизме 1880–1900-х гг. Вершинные романы Писемского – «Тысяча душ», «В водовороте» и «Масоны» – стали фактами национальной духовной культуры; изучение личностного мира их героев в рамках культурологического подхода также представляет определенный научный интерес.

Основное содержание диссертации отражено в следующих работах автора:
Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ

1. Синякова Л. Н. Этическая проблематика романа А. Ф. Писемского «Масоны» // Вестник Новосибирского государственного университета / Новосиб. гос. ун-т. Сер. история, филология. – 2002. – Т. 1, вып. 1. – С. 37–47 (1,3 печ. л).

2. Синякова Л. Н. Сюжет о «бедном чиновнике» в творчестве А. Ф. Писемского («Старческий грех») // Вестник Новосибирского государственного университета / Новосиб. гос. ун-т. Сер. история, филология. – 2003. – Т. 2, вып. 1. – С. 19–23 (0,7 печ. л.).
3. Синякова Л. Н. Концепция личности в творчестве А. Ф. Писемского 1850-х гг. // Вестник Новосибирского государственного университета / Новосиб. гос. ун-т. Сер. история, филология. – 2004. – Т. 3, вып. 1. – С. 84–89 (0,7 печ. л.).
4. Синякова Л. Н. Творчество А. Ф. Писемского в оценке литературной критики 1850–1860-х гг. // Вестник Новосибирского государственного университета / Новосиб. гос. ун-т. Сер. история, филология. – 2005. – Т. 4, вып. 4. – С. 113–126 (1,6 печ. л.).
5. Синякова Л. Н. Эстетический манифест А. Ф. Писемского : статья о втором томе «Мертвых душ» Н. В. Гоголя // Вестник Новосибирского государственного университета / Новосиб. гос. ун-т. Сер. история, филология. – 2006. – Т. 5, вып. 2. – С. 34–42 (1,0 печ. л.).
6. Синякова Л. Н. «Лишний человек» в эпоху 1860-х годов : характер главного героя романа А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» // Вестник Новосибирского государственного университета / Новосиб. гос. ун-т. Сер. история, филология. – 2007. – Т. 6, вып. 2. – С. 81–90 (1,2 печ. л.).
7. Синякова Л. Н. Модификации романтических типов в прозе А. Ф. Писемского 1850-х гг. : демонический герой и герой-рефлектер // Сибирский филологический журнал. – 2007. – № 2. – С. 22–33 (1,4 печ. л.).
8. Синякова Л. Н. Образ человека в романе А. Ф. Писемского «Масоны» : философия духа и жизненная прагматика // Сибирский филологический журнал. – 2007. – № 3. – С. 24–33 (1,2 печ. л.).
9. Синякова Л. Н. Философия человека в творчестве А. Ф. Писемского : проблемы и решения // Вестник Новосибирского государственного университета / Новосиб. гос. ун-т. Сер. история, филология. – 2008. – Т. 7, вып. 2. – С. 93–98 (0,7 печ. л.).
10. Синякова Л. Н. Творчество А. Ф. Писемского в контексте русской литературы 1850–1870-х годов : характерологический аспект // Вестник Новосибирского государственного университета / Новосиб. гос. ун-т. Сер. история, филология. – 2009. – Т. 8, вып. 2. – С. 124–128 (0,5 печ. л.).

Монографии и учебное пособие

11. Синякова Л. Н. Человек в прозе А. Ф. Писемского 1850-х гг. : концепция характера и принципы изображения : Монография / Л. Н. Синякова ; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. ун-та, 2006. – 221 с. (12,9 печ. л.).

12. Синякова Л. Н. Концепция человека в романах А. Ф. Писемского 1860–1870-х гг. : Монография / Л. Н. Синякова ; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2007. – 253 с. (14,7 печ. л.).
13. Синякова Л. Н. Личность и эпоха в художественной концепции А. Ф. Писемского : учебное пособие / Л. Н. Синякова ; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2008. – 41 с. (2,3 печ. л.).
- Статьи в сборниках и периодических изданиях*
14. Синякова Л. Н. Полемическая мотивация характера в романе А. Ф. Писемского «Тысяча душ» // Книга и литература : сб. науч. ст. – Новосибирск, 1997. – С. 165–170 (0,3 печ.л.).
15. Синякова Л. Н. Гоголевские традиции в повести А. Ф. Писемского «Старческий грех» // Гуманитарные исследования : итоги последних лет: сб. тез. науч. конф., посвящ. 35-летию гуманит. ф-та НГУ. – Новосибирск, 1997. – С. 167–169 (0,2 печ.л.).
16. Синякова Л. Н. Жанр записок и его модификации в раннем творчестве Ф. М. Достоевского («Дядюшкин сон») и А. Ф. Писемского (Мг Батманов») // Творчество Ф. М. Достоевского. Проблемы, жанры, интерпретации : тез. IV межрег. науч.-практ. конф. (Новокузнецк, 1999). – Новокузнецк, 2000. – С. 35–38 (0,2 печ.л.).
17. Синякова Л. Н. Полемические романы «Взбаламученное море» и «В водовороте» в творческой эволюции А. Ф. Писемского // Проблемы литературных жанров : матер. X межд. науч. конф., посвящ. 400-летию г. Томска. 15–17 октября 2001 г. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2002. – Ч. 1. – С. 347–349 (0,2 печ. л.).
18. Синякова Л. Н. Жанровая специфика полемиического романа А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» // Литература в контексте культуры : межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2003. – Вып. 4. – С. 12–19 (0,5 печ. л.).
19. Синякова Л. Н. Вещь и жест в антропологии Писемского // Книга и литература в культурном контексте : сб. науч. ст., посвящ. 35-летию начала археогр. работы в Сибири. 1965–2000 / сост. и отв. ред. Е. И. Дергачева-Скоп, В. Н. Алексеев. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2003. – С. 351–358 (0,9 печ. л.).
20. Синякова Л. Н. А. Ф. Писемский в письмах Ф. М. Достоевского: вопросы эстетики и психологии творчества // Жизнь и творчество Ф. М. Достоевского : проблемы : жанры : интерпретации : тез. VII межрег. науч.-практ. конф. (октябрь 2006 года). – Новокузнецк: Музей Ф. М. Достоевского, 2006. – Сб. 7. – С. 86–94 (0,5 печ. л.).
21. Синякова Л. Н. «Рыцарство» и «мещанство» в художественной концепции романа А. Ф. Писемского «Мещане» // Филология и

- человек : науч. журн. – Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2007. – № 1. – С. 14–25 (0,7 печ. л.).
22. Синякова Л. Н. Публицистическая предыстория романа А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» // Филологический анализ текста : сб. науч. ст. – Барнаул: Изд-во Барнаульск. гос. пед. ун-та, 2007. – Вып. VI. – С. 105–121 (1,0 печ. л.).
23. Синякова Л. Н. Эстетические воззрения А. Ф. Писемского в эпистолярном наследии писателя // Древнерусское духовное наследие в Сибири: Научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России : в 2 т. / сост., отв. ред. Е. И. Дергачева-Скоп и В. Н. Алексеев. – Новосибирск, 2008. – Т. 2. – С. 395–406 (1,1 печ. л.).
24. Синякова Л. Н. Стереотипы поведения как предмет литературной рефлексии («Русские лгуны» А. Ф. Писемского) // Культура и текст : культурный смысл и коммуникативные стратегии : сб. науч. ст. / под ред. Г. П. Козубовской. – Барнаул: Барнаульск. гос. пед. ун-т. 2008. – С. 176–186 (0,6 печ. л.).

Научное издание

Синякова Людмила Николаевна

**Проза А. Ф. Писемского
в контексте развития русской литературы 1840–1870-х гг.:
проблемы художественной антропологии**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

Подписано в печать 12.08.2009 г.
Формат 60×84 1/16. Уч.-изд. л. 2,1. Усл. печ. л. 1,9.
Тираж 120 экз. Заказ № 281
Редакционно-издательский центр НГУ.
630090, Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2.

$$10 =$$